

Информация об авторе

Т.Е. Гревцова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заведующая лабораторией филологии. Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук. 344006, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Чехова, зд. 41.

Information about the author

T.E. Grevtsova – Cand. Sc. in Philology, Senior Researcher, Head of the Philology Laboratory. Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 344006, 41 Chekhov Avenue, Rostov-on-Don.

Статья поступила в редакцию 8.10.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 8.10.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.

Научная статья

УДК 392

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-136-143

ТРАДИЦИИ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ОСЕТИН В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Тамара Тамерлановна Дауева

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, Владикавказ, Россия,

tdaueva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8178-1889>

Аннотация. Исследуются современные трансформации традиционных обрядов жизненного цикла осетин – похоронно-поминальной обрядности на основе сравнительного анализа материалов письменных источников и полевого материала автора. Значительное место в исследовании занимает характеристика изменений древней традиции, ее трансформационных форм, сложившихся под давлением чрезвычайных ситуаций, в частности недавней пандемии. Итоги исследования позволяют сделать выводы о достаточно высокой степени стабильности «ядра», позволившей сохранить обрядность в условиях опасности, а также об адаптационной способности защитного «пояса», породившего обновленные модели. Мониторинг исследуемой проблематики позволит определить конкретные перспективы некоторых инноваций, степень их внедренности в обрядовые практики современного осетинского этноса.

Ключевые слова: осетины, традиция, обычай, пандемия, локдаун, похоронно-поминальная обрядность, новации

Для цитирования: Дауева Т.Т. Традиции похоронно-поминальной обрядности осетин в условиях пандемии // Научная мысль Кавказа. 2025. № 4. С. 136–143.

doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-136-143

THE OSSETIAN FUNERAL AND MEMORIAL TRADITIONS IN THE PANDEMIC CONDITIONS

Tamara T. Daueva

The North Ossetian Institute of humanitarian and social studies by. Abayev V. I., Vladikavkaz, Russia, tdaueva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8178-1889>

Abstract. The modern transformations of the traditional rituals of the Ossetian life cycle, funeral and memorial rituals, are studied on the basis of a comparative analysis of written sources and the author's field

© Дауева Т.Т., 2025

material. A significant place in the study is occupied by the characterization of changes in the ancient tradition, its transformational forms that have developed under the pressure of emergency situations, in particular the recent pandemic. The results of the study allow us to draw conclusions about a sufficiently high degree of stability of the «core», which made it possible to preserve the ritual in conditions of danger, as well as about the adaptive ability of the protective «belt», which gave rise to updated models. Monitoring of the studied issues will allow, in our opinion, to determine the specific prospects of some innovations, the degree of their implementation in the ritual practices of the modern Ossetians.

Key words: Ossetians, tradition, custom, pandemic, lockdown, funeral and memorial rites, innovations

For citation: Daueva T.T. The Ossetian Funeral and Memorial Traditions in the Pandemic Conditions. *Naučnââ mysl' Kavkaza*. 2025. No. 4. P. 136–143.
doi: 10.18522/2072-0181-2025-124-136-143

Original article

Проблема похоронно-поминальной обрядности исследуются учеными различных специальностей социально-гуманитарного направления. Историография вопроса похоронно-поминальной обрядности осетин в различные периоды довольно разнообразна. Большая часть работ содержит описание и краткое объяснение отдельных аспектов и ритуальных практик похоронной обрядности. Так, Н. Берзенов описал «Осетинский обряд сидения мертвецов» [1], этнограф С. Жускаев проанализировал ритуал оплакивания покойного [2], Б. Гатиев подробно исследовал погребальный культ, посвящение коня покойному [3]. По мнению этнографа А.Х. Магомедова, некоторые авторы, затрагивающие погребальные обряды народа дают поверхностную, порой незаконченную и искаженную картину [4]. Критику массового общественного характера поминальной культуры, чрезмерного, по их мнению, оплакивания покойного, он объяснял культурой и бытом горца: «... чтобы правильно истолковать эти явления, нужно было знать психологический склад и натуру горца, прожившего многие века родовым бытом, особенно в условиях Осетии, где в суровой борьбе за существование члены коллектива сближались особенно тесно и где потеря каждого из них ощущалась очень остро и болезненно остальными» [4, с. 265]. Особое место в историографии кавказоведения и в частности, осетиноведения занимает В.Ф. Миллер, который, проведя исследование похоронно-поминальных обрядов осетин, обосновал схожесть их погребального культа со скифским [5]. Полное детальное описание похоронного обряда, а также всей обрядово-ритуальной составляющей зафиксирована в работе А.М. Шегрена [6]. Что касается историографии новейшего времени, стоит выделить профес-

сора Л.А. Чибирова, в работах которого нашли отражение культ предков, погребальные и поминальные обряды. Важность данных исследований заключается в том, что они базируются на этнографических материалах, собранных с советского времени до наших дней, и охватывают не только северных, но и южных осетин [7]. Отдельные аспекты похоронной культуры затрагивают работы Б.А. Калоева, З.В. Кануковой, А.Х. Хадиковой [8–10]. В первую очередь этнологов интересовали этикетно-поведенческие нормы в обрядах жизненного цикла, связь традиционного с советскими новациями. Отмечая вклад современных исследователей, стоит учесть важные междисциплинарные исследования. Например, труд Е.Б. Бесоловой «Язык и обряд: похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения», в которой рассмотрен погребальный обряд, его лексическая система в обрядовом тексте, а также обрядовый плач и его функции [11]. Отдельного внимания заслуживают археологические работы по захоронениям В.Х. Тменова, Р.Г. Дзаттиаты, А.А. Цуциева [12–14].

Историографический обзор подтверждает, что проблема похоронно-поминальной обрядности осетин весьма подробно исследована в различных областях.

В целом историография вопроса дает возможность «...сделать вывод о том, что похоронно-поминальная обрядность – самая архаичная и консервативная составляющая традиционной культуры. Похоронно-поминальная обрядность аккумулирует элементы духовной и материальной культуры, отражает разновременные и разносоциальные представления о жизни и смерти, о долге живых перед предками, о законах природы и общества, закрепленные в мифологии, религии и мировоззрении этноса. Символы, сте-

реотипы и нормативные предписания отмечены глубокой архаикой и высшей степенью семиотичности» [15].

Эпидемиологическая обстановка последних лет оказала значительное влияние на эволюцию форм проведения общественных мероприятий и ритуальных практик: возникли новые формы организации мероприятий, которые адаптировались к изменяющимся условиям; ревитализировалась часть традиционных обрядов, ранее утративших свою актуальность. Современной социокультурной обстановке необходимо трансформирование, использование новых подходов к вопросам сохранения и развития обрядов жизненного цикла.

Однако вопрос трансформации похоронно-поминальной обрядности с периода локдауна по настоящее время в научной литературе не освещен.

Цель данного исследования – выявить изменения древней традиции, ее трансформационных форм, сложившихся под давлением чрезвычайных ситуаций, в частности недавней пандемии.

Задачами исследования являются: мониторинг исследуемой проблематики, что позволит, на наш взгляд, определить конкретные перспективы определенных инноваций, степень их внедренности в обрядовые практики современного осетинского этноса; проанализировать механизм этнокультурной преемственности (какие инновации закрепляются в быту, какие становятся детонатором отмены определенных этностереотипов, какие носили временный характер и ушли в историю вместе с локдауном, а возможно и актуализировались после него).

В условиях, когда строгие санитарно-эпидемиологические ограничения, связанные с распространением Covid-19 и локдауном, вошли в серьезное противоречие с обрядовой культурой осетин, важно выявить сохранившиеся традиции и сложившиеся за короткий период новые формы их проведения. Вот почему изучение трансформационных и инновационных процессов обрядов жизненного цикла осетин в период пандемии и локдауна приобретает особую значимость и актуальность.

Работа основана на полевом материале, собранном автором. В ходе анализа использованы историко-сравнительный, системный, ретроспективный методы. Наряду с интервьюированием информантов, применялся метод непосредственного наблюдения.

Исследование, в рамках которого подготовлена статья, прежде всего направлено на структурное и этнографическое описание современных обрядов осетин с выявлением традиционных составляющих. Экспедиции 2021–2023 гг. по сельской и городской местности Северной Осетии, глубинные интервью и наблюдения, полевые исследования проводились среди жителей республики Северная Осетия – Алания, точнее в городах Владикавказе, Алагире, сельских населённых пунктах Црау, Мизур, Эльхотово, станице Змейской. Возраст респондентов варьировался от 29 до 86 лет. Использовались также интернет-ресурсы, где можно было проследить введение карантинных мер администрацией, а также реакции местных жителей на новации.

В качестве источниковой базы проанализированы специальные распоряжения, указы и рекомендации органов власти, институтов старшинства, которые с целью предотвращения распространения болезни предпринимали попытки видоизменить повседневные практики.

Традиционно, в случае наступления смерти, члены семьи умершего поднимали громкий плач. Услышав это и поняв, в чем дело, в дом спешили соседи, родственники и друзья, проживающие в данной местности. Независимо от этого, сельчан о смерти родственника принято было оповещать. В более раннее время по поручению родственников это делал общинный глашатай – *фидиуаг*, который обходил кварталы села и громко возвещал о смерти односельчанина. Впоследствии данную обязанность исполнял так называемый вестник, посылаемый для извещения родных, знакомых о чьей-либо смерти – *хъарганаг* [16, с. 517]. Их отправляли и в другие села, где проживали родственники или те, кто знал покойника. Исполнение миссии *хъарганаг*'а было обставлено также определенной обрядностью. Уже по манере держать себя *хъарганаг* можно было узнать сразу: ехал рысью быстро, держа в левой руке плетень. Достигнув назначенного места, он спешил около дома и сообщал печальную весть [6, с. 13]. Интересно, что данный институт сохранился до наших дней, несмотря на возможности средств связи. Особо это сохранилось в сельских местностях. Семья покойного отправляет юношей из числа соседей, либо родственников, оповестить о случившемся и дате похорон. Нам известно, что в ряде селений возрожден и общинный глашатай. Например, в с. Эльхотово, с. Ногир эту функцию исполняет сотрудник районной редакции, который объезжает кварталы на легковом автомобиле и через гром-

коговоритель извещает жителей о печальном событии. Этой услугой пользуются не только в день похорон, но и для оповещения в 40-дневные и годовые поминки. Семья покойного обозначает улицы, кварталы для глашатая, либо указывает целое селение, в зависимости от того, где проживал и насколько был известен покойный*. Не обходится и без использования средств связи. Отдельные фамилии, например, Касабиевы, создали группу в приложении WhatsApp, куда вошли представители фамилии (по одному из каждой семьи), проживающие в республике и других регионах. Группа служит исключительно для размещения извещений о смерти представителя данной фамилии или племянника. Администратором назначен один из молодых представителей фамилии, которому сообщают о похоронах. Он уже размещает извещение в группе. Интересно, что на наш интерес о выборе представителя обосновано было указано информантом тем, что извещать принято молодому человеку**. Известно, что такая форма оповещения имеет место не только среди отдельных фамилий, но и соседей нескольких многоквартирных домов, городского частного сектора и т.д.

Пандемия, затронувшая весь мир, вызвала преобразования во всех сферах жизнедеятельности народов. Примечательно, что на обрядах жизненного цикла данный факт отразился в первую очередь. Связано это, на наш взгляд, с массовым характером проведения обрядов, многодневностью траурных и праздничных мероприятий и т.д., поскольку на них влияла эпидемиологическая обстановка.

Главой республики В.З. Битаровым был издан указ № 151 от 9 мая 2020 г., в котором говорилось об ограничении численности участников похоронно-поминальных мероприятий. Участникам прощальных церемоний требовалось обеспечить дистанцирование, использование масок и средств дезинфекции. Председатель правительства Т.Р. Тускаев, комментируя данный указ, дополнительно предложил новый формат: «... ситуация сложнейшая и нужно меняться. Се-

годня и по телефону можно выразить соболезнования. Поддержать, но не присутствовать»*.

Количество участников траурных мероприятий было рекомендовано ограничить до 50 человек. К сравнению, в Москве и Подмосковье местные власти рекомендовали ограничить число участников похорон 5–7 людьми.

Отличительной особенностью похорон в этнических республиках можно назвать их многолюдность. Так, например, в Осетии количество людей может достигать 300–1000 чел. Зависит это от того, насколько большая фамилия покойного, его возраст, род деятельности, того, как он умер и т.д.

С рекомендациями по изменениям принятого похоронного регламента выступали различные объединения, например, представители общественного движения «Высший совет осетин». Уместно привести его целиком: «Оповещение на поминальные мероприятия ограничить близкими родственниками, соседями, друзьями и знакомыми. Строго соблюдая рекомендации санитарно-эпидемиологических служб, отказаться от рукопожатий и других физических контактов, не укладывающихся в традиционный *Æгъдау* и создающих угрозу быстрого распространения эпидемии**». Этномаркированный концепт осетинской культуры *Æгъдау* в контексте приведенного документа следует понимать как нравственный кодекс, совокупность этических правил, предписывающих поведение членов общины. «До снятия официальных ограничительных мер согласиться с тем, что на похоронах не обязательно садиться за поминальный стол всем. Достаточно нескольким старшим помянуть усопшего. Призываем женщин поберечь себя, свои семьи, и тоже отказаться от поминального застолья. Во время их проведения должны быть приняты максимально возможные меры в части соблюдения правил гигиены. Мы не можем допустить в Осетии повторения того, что происходит в южной Европе, где покойников тысячами вывозят в крематории на армейских машинах, даже не показывая их родственникам. По мере возможности отложить на более поздний срок все поминальные мероприятия, которые обычно

* ПМА – информант Гокоев Руслан Агубеевич, 1946 г.р.; республика Северная Осетия-Алания, ст. Змейская; зап. 29.05. 2022 г.

** ПМА – информант Касабиев Сергей Эльбрусевич, 1988 г.р.; республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ; зап. 07.10. 2023 г.

* Тускаев Т.Р. Постановление главы правительства республики Северная Осетия-Алания 20.05.2020 г. URL: <https://rg.ru/documents/2020/04/01/rso-ukaz105-reg-dok.html> (дата обращения 12.10.2025).

** Высший совет осетин. Обращение 11.04.2020. URL: <https://versia.ru/iz-za-yepidemii-koronavirusa-poxorony-perestali-byt-tradicionnoj-traurnoj-ceremoniej> (дата обращения 12.10.2025).

следуют за похоронами в течение года. Если же такой возможности нет, приглашать на них только узкий круг самых близких людей»*.

Как указывает информант, сотрудник администрации г. Владикавказа, ими посещались все похороны в городе**. С 8 по 15 мая 2020 г. включительно сотрудники префектуры посетили 60 траурных мероприятий. «Накануне похорон мы связываемся с родственниками покойного и рекомендуем соблюдать все требуемые санитарно-эпидемиологические меры. Сотрудники администрации города выезжали непосредственно на похороны***. Далее информант сообщал: «Мы рекомендовали соблюдать дистанцию между посетителями, раздавали маски. Особое внимание мы уделяли поминкам. Но, справедливости ради, стоит указать, что население не участвовало в поминках. Несмотря на то, что столы накрывались на 100 человек, рассаживались не более 20 человек мужского пола. У нас есть этому подтверждение – мы обязывались снимать на видео».

Одним из уникальных элементов обрядности служит *мæрддыгой* – «люди, прибывшие отдать последний долг умершему» [16, с. 260]. Близкие родственники покойного – сыновья, дочери, сестры, братья – оповещают своих соседей и друзей о случившемся горе. Данное уведомление предполагает посещение похорон, несмотря на отсутствие личного знакомства с умершим. Выразить сочувствие семье, близким родственникам и почтить память покойного считают своим долгом знакомые, родственники, коллеги, школьные и студенческие коллективы, друзья. Такая группа собирается заранее, прежде чем отправиться на похороны. В крупных организациях для этого выделяется транспорт для трансфера в местность, где проходят похороны. С уверенностью можно утверждать, что данный элемент обрядности прекратил свое существование в период пандемии, когда никто не хотел рисковать и сообщать о горе в семье. Собирать многочисленные похороны было запрещено. Люди, которые входили бы в *мæрддыгой*, приносили свои

соболезнования посредством телефонной связи и осуществляли денежные переводы в режиме онлайн в качестве выражения поддержки*. Это родственная, соседская взаимопомощь семье покойного для покрытия расходов по поминальным расходам.

Частично данный элемент обрядности на сегодняшний день возвращается, но с послаблениями. Например, люди собирают *мæрддыгой* лишь в случае смерти ближайшего родственника, т.е. родителей, братьев и сестер. В период распространения какой-либо инфекции или вируса, например, зимой, когда наблюдается рост заболевших, также стараются не организовывать большой *мæрддыгой*, ограничиваясь узким кругом друзей и соседей**.

Похоронный обряд можно оценить как элемент культуры с высоким уровнем устойчивости. Об этом свидетельствует, например, распорядок проведения траурных дней. Траурные дни оплакивания принято справлять три дня со смерти, так как, согласно традиции, покойник должен находиться не менее двух ночей в доме. В первую очередь, новации коснулись похорон тех, кто скончался от коронавирусной инфекции. Покойника не разрешалось забирать из морга, лишь в день похорон его привозили во двор дома, где его ожидали родные и близкие. Однако в первом полугодии 2020 г., ввиду несоблюдения населением требуемых санитарно-эпидемиологических норм, было принято решение на местном уровне привозить покойного на кладбище из морга. В административном порядке не разрешалось открывать гроб, чтобы исключить распространение болезни. С другими умершими дело обстояло немного иначе – забирать их можно было только в день похорон, в исключительных случаях – накануне вечером. Но таких случаев – единицы. Данное предписание преследовало целью не собирать большое количество людей. Эта норма сказалась на похоронной обрядности в целом, в первую очередь, она нивелировала обряды омовения и одевания покойника родными, соседями. Перед укладыванием покойного в гроб также были исключены определенные ритуалы – помолившись, мужчины «посвящали»

* Высший совет осетин. Обращение 11.04.2020 URL: <https://versia.ru/iz-za-yeptidemii-koronavirusa-roxopony-perestali-byt-tradicionnoj-traurnoj-ceremoniej> (дата обращения 12.10.2025).

** ПМА – информант Габараев Годерзи, 1976 г.р.; республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ; зап. 31.03. 2022 г.

*** ПМА – информант Габараев Годерзи, 1976 г.р.; республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ; зап. 31.03. 2022 г.

* ПМА – информант Пелиев Ахсар Тенгизович, 1968 г.р.; республика Северная Осетия-Алания, с. Эльхотово; зап. 20.10.2022 г.

** ПМА – информант Гокоев Руслан Агубеевич, 1946 г.р.; республика Северная Осетия-Алания, ст. Змейская; зап. 29.05. 2022 г. Также: Информант Дауев Тамерлан Таймуразович, 1960 г.р.; республика Северная Осетия-Алания, с. Эльхотово; зап. 20.10.2022 г.

покойному гроб. Это делалось на второй день после смерти. Летом, после выступления представителей здравоохранения с новостью о том, что болезнь не передается от покойного и не распространяется от предметов общественного пользования, транспорта, и т.д., родственники стали требовать привозить покойного в дом накануне вечером*.

В обрядах, сопровождающих погребение покойника, отражается верование осетин в загробную жизнь [17, с. 182].

Обязательными практиками в похоронной обрядности было дарение покойному траурного покрывала, а также головного платка – покойнице и шапки – покойному. Данные приношения необходимо было делать родственникам: женщине – от отчего дома, мужчине – от тестей. Традиция была отменена ввиду запрета вскрытия гроба. На сегодняшний день она частично восстановлена в ином формате. Определенная часть респондентов выражает мнение о нецелесообразности данного элемента обряда, предпочитая передать определенную сумму денег семье покойника**.

Ученые указывают на обрядовые полномочия и обособление женщин, их общественную значимость, ведущий функциональный статус. При исполнении погребальных обрядов «престижность» мужских и женских функций, доля их участия неодинакова. «Ведущие роли повсюду, за исключением застолья, принадлежат женщинам, своими действиями, обеспечивающими благоволение предков» [18]. Независимо от гендерной принадлежности покойного, «до дня похорон покойник оставался на скамье в доме, его окружали исключительно женщины» [2]. Мужчины обычно собирались во дворе. В карантинный период произошло некое смещение полоролевых функций. Статистические данные привести сложно, но судя по нашим наблюдениям и глубинным интервью, похороны в большинстве случаев посещали мужчины. Это объясняется тем, что мужчины обычно выражают соболезнование и занимают место во дворе, в то время как женщины находятся у гроба в помещении, что в локдаун нарушало введенные санитарно-эпидемиологические нормы. Данный факт был чреват риском заражения и отразился на гендерном

распределении посещения похорон. Еще одна модель выражения соболезнования – посещение семьи за день до церемонии похорон. В целях минимизации социального взаимодействия, желающие проститься с покойным делали это либо за день, либо утром, непосредственно в день похорон, с условием, что на них надета медицинская маска. Такого правила придерживалась так называемая группа риска – люди с хроническими заболеваниями*.

Усиление карантинных ограничений отразилось на похоронно-поминальной обрядности видных представителей социума. Они часто становились общественным событием, прощальные церемонии проводились в академическом театре во Владикавказе. В период локдауна для них также практиковались похороны в кругу семьи с соблюдением всех карантинных мер.

Период локдауна не смог трансформировать обрядность коренным образом. Однако до сих пор сохраняются отдельные компоненты, преобразованные в этот период. Некоторые составляющие традиционной культуры были возобновлены, с целью не выходить за рекомендуемые рамки. Это касается поминального застолья, сопровождавшего похоронный день. С конца 90-х годов в Осетии приобрела популярность практика проведения поминок в ресторанах, обычно близко находящихся к дому покойного. Постковидный период охарактеризован как возврат в исходную точку – для этого используются *хæдзар*'ы – специальные постройки для проведения коллективных соседских мероприятий в многоквартирных домах. Обычно такая пристройка находится у подъездов дома или домов, к которому она и относится [9, с. 76]. Несмотря на то, что новаторство также имеет место, организация мероприятий перешла от соседского коллектива к ритуальным услугам, оказывающих банкетные услуги. На сегодняшний день наблюдается возобновление культуры подобных практик, как традиции организации и проведения церемонии похорон соседским коллективом с привлечением платных услуг.

Похоронный обычай осетин подразумевает соблюдение обрядовых практик в течение года после смерти покойного. Наши исследования подтвердили, что все похоронные процессы в 2020 г. в своем большинстве проходили в семейном кругу. На наш взгляд, это помогло не только не давать распространяться болезни, но и

* ПМА – информант Айдарова Белла Алексеевна, 1950 г.р.; республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ; зап. 07. 06. 2022.

** ПМА – информант Аликова Разита Дзиевна, 1952 г.р.; республика Северная Осетия-Алания, с. Старый Батакоюрт; зап. 03.06. 2023 г.

* ПМА – информант Плиева Нана Шалвовна, 1964 г.р.; республика Северная Осетия-Алания, с. Эльхотово; зап. 09.06. 2021 г.

существенно сократило расходы на поминки. В первую очередь, это касается «поминальных пятниц», которые проводятся каждую пятницу до 40-дневных поминок. Эти мероприятия в обычном режиме собирают в среднем до 30 человек. 40-дневные поминки также были сокращены и не так многочисленны – их старались посетить те, кто по той или иной причине не смог присутствовать на похоронах. Приведенные мероприятия сохранились и проводятся довольно устойчиво, однако наблюдается не только сокращение круга лиц их посещающих, но и необходимость оповещать родственников и соседей с целью приглашения на такие мероприятия. Популярностью среди православной части населения осетин стало посещение церкви и раздача угощений для поминовения усопшего в ковидный и постковидный периоды*.

В целом стоит указать, что в случае похоронно-поминальной обрядности определенные традиции и ритуальные практики были адаптированы, видоизменены в период пандемии. Они претерпели изменения, которые до сих пор не восстановлены, либо восстановлены частично. Например, в выражении соболезнования и обязательном прикладывании рук к рукам усопшего, либо к гробу. На сегодняшний день не все посетители похорон подходят для выражения сочувствия. Достаточным считается посещение похоронного дня при отсутствии вербальной части выражения скорби – слов о выражении скорби, объятий женщин-родственниц покойного, прикладывании рук к покойному**.

Большая часть присутствующих на похоронах в обязательном порядке садилась за поминальный стол, за исключением тех, кто не мог это сделать, в силу определенных обстоятельств. На сегодняшний день люди стараются не посещать поминки и ограничиваются временем, когда покойного увозят на кладбище***.

Проведенный впервые мониторинг трансформационных и инновационных процессов похоронно-поминальной обрядности осетин в период пандемии и локдауна позволил выделить практики, которые внедрялись в жизнь при чрез-

вычайных ситуациях – пандемии, а также зафиксировать временные стереотипы, которые нивелировались при выходе из локдауна.

Анализ показал, что сформированные в период пандемии практики (и не только поминальные) достаточно ощутимо изменили многие традиционные. Самоизоляция и карантинные меры стали необходимыми мерами в пандемию, с помощью которых удалось минимизировать количество жертв, а также остановить появление новых форм заболевания.

Изученные модернизационные процессы этого периода могут быть выделены как один из этапов существования и развития древней традиции.

Материалы экспедиций свидетельствуют о том, что карантин и самоизоляция послужили катализатором возникновения минималистических форм традиционной обрядовой культуры осетин.

Однако даже в современных условиях мобилизации этничности, свойственных молодежи возрожденческих тенденций, такие вызовы как пандемия и локдаун и порожденные ими новые обрядовые практики, не способны разрушить «ядро» традиции.

На наш взгляд, внешние вызовы могут зафиксироваться в «защитном поясе» традиции, гибком и динамичном, формирующем психологически комфортные способы адаптации этнической культуры к реальным условиям. Дальнейшие наблюдения могут показать, станут ли инновации новыми традициями, останутся ли востребованными обновленные и упрощенные формы, является ли чрезвычайная ситуация фактором отживания традиции, или она будет актуализирована в контенте антиглобалистских восстановительных практик.

Список источников

1. Берзенов Н.Г. Осетинский обряд сидения мертвых // Кавказ, 1850. №7. С.6–7.
2. Жускаев С. Похороны у осетин-олладжирцев // Закавказский вестник, 1855. №9. С. 3–4.
3. Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. 9. С.1–83.
4. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Историко-этнографическое исследование. Орджоникидзе: Ир, 1968. 567 с.
5. Миллер В.Ф. О некоторых погребальных обрядах на Кавказе // Этнографическое обозрение, 1911. №1. С. 24–37.
6. Шегрен А.М. Религиозные обряды осетин, ингушей и их соплеменников при разных случаях. М., 1843. 216 с.
7. Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: РОССПЭН, 2008. 711 с.

* ПМА – информант Плиева Нана Шалвовна, 1964 г.р.; республика Северная Осетия-Алания, с. Эльхотово; зап. 09.06. 2021 г.

** ПМА – информант Босиев Алихан Михайлович, 1932 г.р. республика Северная Осетия-Алания, п. Мизур; зап. 21.05.2022 г.

*** ПМА – информант Босиев Алихан Михайлович, 1932 г.р. республика Северная Осетия-Алания, п. Мизур; зап. 21.05.2022 г.

8. Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XX в. // Кавказский этнографический сборник. Т. 8. М.: Наука, 1984. Вып. XVIII. С. 72–105.
9. Канукова З.В. Традиция в современной социальной культуре: о похоронном обряде осетин // Успехи современной науки, 2016. Т.10. №12. С. 76–77.
10. Хадикова А.Х. Факторы неотрадиционализма в современных процессах этнической самоидентификации осетин: объект – субъектный аспект проблемы // Вестник Владикавказского научного центра, 2022. Т. 22. №3. С. 34–41. <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.87.31.002>.
11. Бесолова Е.Б. Язык и обряд: похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2008. 406 с.
12. Тменов В.Х. «Город мертвых». Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии. Ордзоникидзе: Ир, 1979. 151 с.
13. Дзаттиаты Р.Г. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ: Ир, 2002. 431 с.
14. Цуциев А.А. Некоторые параллели в погребально-поминальной обрядности северо-иранских народов (от скифов до осетин) // Известия СОИГСИ, 2016. № 21 (60). С. 24–31.
15. Осетины / Отв. ред З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров. М.: Наука, 2012. 605 с. С. 382.
16. Бигулаев Б.Б., Гагкаев К.Е., Кулаев Н.Х., Туаева О.Н. Осетинско-русский словарь. Ростов-н/Д.: Медиаграф, 1999. 560 с.
17. Дзлиева Д.М. Об аудиокolleкциях научного архива СОИГСИ // Известия СОИГСИ, 2024. № 52 (91). С. 182–194. <https://doi.org/10.46698/VNC.2024.91.52.009>.
18. Хадикова А.Х. Традиции в современном осетинском обществе: существующие и перспективные возможности // Известия СОИГСИ, 2020. № 36 (75). С. 168–177. <https://doi.org/10.46698/n2282-7222-2968-q>.
4. Magometov A.Kh. *Culture and life of the Ossetian people. Historical and ethnographic study*. Ordzhonikidze: Ir. 1968. 567 p.
5. Miller V.F. On some funeral rites in the Caucasus // *Ethnographic Review*. 1911. No. 1. P. 24–37.
6. Shegren A.M. *Religious rites of the Ossetians, Ingush and their fellow tribesmen on different occasions*. Moscow. 1843. 216 p.
7. Chibirov L.A. *Traditional spiritual culture of the Ossetians*. Moscow: ROSSPEN. 2008. 711 p.
8. Kaloev B.A. Funeral customs and rites of the Ossetians in the 18th – early 20th centuries // *Caucasian ethnographic collection*. Vol. 8. Moscow: Nauka. 1984. Issue XVIII. P. 72–105.
9. Kanukova Z.V. Tradition in modern social culture: on the funeral rite of the Ossetians // *Successes of modern science*. 2016. Vol. 10. No. 12. P. 76–77.
10. Khadikova A.Kh. Factors of neotraditionalism in modern processes of ethnic self-identification of Ossetians: object - subject aspect of the problem // *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*. 2022. Vol. 22. No. 3. P. 34–41. <https://doi.org/10.46698/VNC.2022.87.31.002>.
11. Besolova E.B. *Language and ritual: funeral and memorial rites of the Ossetians in the aspect of its textual and verbal expression*. Vladikavkaz: Soigsi Publishing House. 2008. 406 p.
12. Tmenov V.Kh. «City of the Dead». *Late medieval crypt structures of Tagauria*. Ordzhonikidze: Ir. 1979. 151 p.
13. Dzattiaty R.G. *Culture of late medieval Ossetia*. Vladikavkaz: Ir, 2002. 431 p.
14. Tsutsiev A.A. Some parallels in the funeral and memorial rites of the northern Iranian peoples (from the Scythians to the Ossetians) // *Izvestia SOIGSI*. 2016. No. 21 (60). P. 24–31.
15. *Ossetians* / ed. Z.B. Tsallagova, L.A. Chibirov. Moscow: Science. 2012. 605 p.
16. Bigulaev B.B., Gagkaev K.E., Kulaev N.H., Tuayeva O.N. *Ossetian-Russian dictionary*. Rostov-on-Don: Mediagraf. 1999. 560 p. P. 382.
17. Dзлиева D.M. On the audio collections of the scientific archive of SOIGSI // *Izvestia SOIGSI*. 2024. No. 52 (91). P. 182–194. <https://doi.org/10.46698/VNC.2024.91.52.009>.
18. Khadikova A.Kh. Traditions in modern Ossetian society: existing and promising possibilities // *Izvestia SOIGSI*. 2020. No. 36 (75). P. 168–177. <https://doi.org/10.46698/n2282-7222-2968-q>.

References

1. Berzenov N.G. Ossetian rite of sitting the dead // *Caucasus*. 1850. No. 7. Pp.6-7.
2. Zhuskaev S. Funerals of the Ossetian-Ollajirs // *Transcaucasian Bulletin*, 1855. No. 9. 4 p.
3. Gatiev B. Superstitions and prejudices among the Ossetians // *SSCG*. Tiflis 1876. Issue 9. P. 1–83.

Шифр специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки).

Информация об авторе

Т.Т. Дауева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии. Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, 362000, Республика Северная Осетия – Алания, г. Владикавказ, проспект Мира, 10.

Information about the author

T. T. Daueva – Candidate of Historical Sciences, senior research scientist. The North Ossetian Institute of humanitarian and social studies by Abayev V. I. 10 Mira avenue, Vladikavkaz.

Статья поступила в редакцию 13.09.2025; одобрена после рецензирования 15.11.2025; принята к публикации 05.12.2025.

The article was submitted 13.09.2025; approved after reviewing 15.11.2025; accepted for publication 05.12.2025.